

Никитина Анна Дмитриевна

НОРМАТИВНЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ЭШНУННЫ О ФОРМИРОВАНИИ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НАЧАЛА II ТЫС. ДО Н.Э.

В статье исследуется роль публичного права в формировании территориально-племенного государства, возникшего на территории царства Эшнунны в начале II тыс. до н.э. На основе изучения как частноправовых, так и публично-правовых документов были выделены основные критерии, по которым можно определить принадлежность к территориально-племенным государствам. Среди наиболее важных из них: четко сформировавшаяся государственная структура управления, социально-правовой баланс в разграничении сфер влияния между царем и общиной и активное развитие внешней торговли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 128-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(3)(340.152)

В статье исследуется роль публичного права в формировании территориально-племенного государства, возникшего на территории царства Эшнунны в начале II тыс. до н.э. На основе изучения как частноправовых, так и публично-правовых документов были выделены основные критерии, по которым можно определить принадлежность к территориально-племенным государствам. Среди наиболее важных из них: четко сформировавшаяся государственная структура управления, социально-правовой баланс в разграничении сфер влияния между царем и общиной и активное развитие внешней торговли.

Ключевые слова и фразы: формирование территориально-племенного государства; законы царя Дадуши; активное развитие внешней торговли; частноправовые документы из Тутуба; укрепление царской администрации.

Анна Дмитриевна Никитина, к.и.н.

Кафедра гуманитарных дисциплин

Московский институт экономических преобразований

a.selena75@yandex.ru

НОРМАТИВНЫЕ И ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ СТАРОВАВИЛОНСКОГО ПЕРИОДА ИЗ ЭШНУННЫ О ФОРМИРОВАНИИ ВЛАСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ НАЧАЛА II ТЫС. ДО Н.Э.[©]

В последнее десятилетие актуальным становится обращение к древневосточному юридическому наследию (особенно это касается знаменитых Законов Хаммурапи). Подобный интерес у юристов и историков права вызван не только стремлением познакомиться с процессом появления и развития правовой культуры в исследуемом регионе, но и найти первопричину появления таких важных правовых категорий, как юридическая норма, источник права, прецедент и др.

Однако изучение древневосточных публичных и частноправовых документов позволяет нам также исследовать социальный аспект права, который имеет большое значение в процессе трансформации государственных институтов, и сделать выводы об уровне и типах экономического развития изучаемого региона.

Для более правильной оценки социальных процессов, уровня развития экономики и формирования государственных структур, происходивших на территории южной Месопотамии конца XX - конца XVIII вв. до н.э., необходимо, по нашему мнению, познакомиться с законами царства Эшнунны и частноправовыми документами из города Тутуб, располагавшегося в нескольких километрах от древней столицы государства.

Государство Эшнунны со столицей Ашнуннак (ныне городище Тель-Асмар в Ираке, в 35 км от Багдада) возникло в конце III тыс. до н.э. С XXI в. до н.э. входило в состав царства III династии Ура. В изучаемый период оно становится самостоятельным, но в середине XVII в. до н.э. вновь теряет независимость и переходит под контроль известного вавилонского царя Хаммурапи [14, р. 117-142].

Хронологически близкие к законам частноправовые документы были найдены американской экспедицией (1930-1937 гг.) в храме бога Сина в городе Хафадже (древний Тутуб) в 15 км от Багдада [17, р. 31-52].

Для более правильного понимания особенностей изучаемых вопросов необходимо, на наш взгляд, познакомиться с концепциями трансформации территориальных образований различного типа в государственные структуры с четко определенной социально-политической составляющей. Такие концепции были предложены как отечественными, так и зарубежными учеными. Так, английские специалисты, выделяя в качестве основного критерия для классификации успешную внешнеполитическую деятельность правителя, считают, что уже государство Саргона Аккадского (конец XXIV - середина XXIII вв. до н.э.), которое было предшественником царства III династии Ура, можно обозначить термином «империя» [12, р. 325-447]. Немецкий ученый П. Кошакер и американский исследователь Дж. Финкельштейн называли одной из первых в истории империй державу царя Хаммурапи (первая половина XVIII в. до н.э.) [13, р. 106-134; 18, S. 45-78]. Одним из отличий этого государства от предшествующих являлось, по мнению ученых, то, что экономические связи распространялись, прежде всего, за пределы государства, а не внутри него. Другое отличие состояло в том, что в империю были включены несколько регионов, комплементарных друг другу, а не пытающихся добиться гегемонии. Отечественные ученые И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон, выявляя в качестве основного критерия сбалансированный уровень социально-экономического развития, полагали, что держава Хаммурапи была территориально-племенным царством, основой и центром которого было т.н. номовое государство (или город-государство) древнего Вавилона. Держава Хаммурапи, благодаря успешной внешней политике царей I Вавилонской династии с начала XIX в. до н.э. (но прежде всего самого правителя), объединила в себе несколько десятков номовых государств разного размера и уровня социально-экономического развития [5, с. 3-16; 8, с. 89-110; 11, с. 55-70]. Следующей ступенью в развитии государственных структур на древнем Востоке, по их мнению, является империя, которая появится только в конце II - начале I тыс. до н.э. (Ново-ассирийская империя, для создания которой необходим уже целый ряд предпосылок).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что если критерии, на основании которых, придерживаясь одной из указанных концепций, древневосточное государство может считаться империей, в целом определены, то вопрос о различиях между такими империями, вновь распавшимися на номовые государства, и территориальными царствами не имеет, как мы полагаем, четкого окончательного решения. На основе представленной источниковой базы мы постараемся предложить такое решение.

Основная проблема, которая, как мы видим, возникает при поиске ответа на этот вопрос, состоит в невозможности выявить четкое прогрессивное развитие государств, в присутствии в таком процессе неизбежной цикличности. Так, царство III династии Ура (XXII-XXI вв. до н.э.), которое правильно, по нашему мнению, отнести по ряду признаков (территориальный, внутривластный, включающий в себя и правовой аспект, сакрализация власти и др.) к империи, создавалось на основе державы Саргона Аккадского, являясь её преемницей. Она, в свою очередь, объединила большое количество номовых государств южной и центральной части Месопотамии - Шумера и Аккада. А империя, объединенная под своей властью Уром, также распалась на территориально-племенные и номовые государства.

Если мы обратимся к публично-правовым документам, то в качестве подтверждения нашей классификации обнаружим, что первый дошедший до нас свод законов принадлежал как раз основателю III династии Ура царю Ур-Намму (или его сыну Шульги) [1, с. 61-74; 13, р. 134-143; 19, р. 13-23].

Вторым же по хронологии сборником, в котором, с одной стороны, отразилось активное развитие правовой культуры юга Месопотамии, с другой, наблюдается преемственность в отражении тематики правовых норм и их элементов, были законы царя Липит-Иштара (первая половина XX в. до н.э.) [19, р. 24-55]. Он был правителем царства I династии Иссины. Царство Иссины, единственное территориально-племенное государство, которое сохранилось на обломках III династии Ура и развивалось до того момента, пока в регионе не началась борьба за внешнеполитическое господство между правителями Иссины и Ларсы. Кроме того, такая борьба была осложнена обострением активности аморейских племён и племенных союзов (до последней трети XX в. до н.э.). В дальнейшем территориально-племенные государственные структуры появятся в указанном регионе только в конце XIX в. до н.э. - во время правления в Ларсе, которая станет новым центром государства, царя Рим-Сина, преемником которого через несколько десятков лет окажется Хаммурапи Вавилонский.

Объектом же нашего изучения будет, прежде всего, текст первых законов, написанных на аккадском языке, - законов царя Дадуши (конец XIX - начало XVIII вв. до н.э.). Мы не относим сборник законов к правлению более раннего царя Эшнунны - Билаламы, как это делали некоторые советские ученые, т.к. по ряду признаков, одним из которых является отсутствие применения принципа талиона, они создавались позже, чем законы Липит-Иштара, и хронологически ближе к законам Хаммурапи [4, с. 213-219]. Сборник был найден в развалинах древнего города Шадуппум, входившего в изучаемый нами период в царство Эшнунны. Текст законов сохранился в двух списках, на двух табличках, найденных в 1945 и 1947 гг. соответственно [16, р. 17-34; 19, р. 57-71].

Текст законов имеет существенные отличия по сравнению со своими предшественниками. Введение сохранилось очень плохо и не представляет особого интереса. Тематическое дробление документа затруднено отсутствием четкости и логичности в подборе нормативных актов.

Текст самих законов начинается с двух параграфов перечисления цен на товары, которые были установлены верховной властью. В качестве эквивалента взят обычный вавилонский сикль (слиток весом около 16 г серебра). Необходимо заметить, что первый раз царь устанавливает меры веса уже в упомянутых выше законах Ур-Намму, где в строках 135-149 мы читаем: «сделал он бронзовую меру в 1 ка, гирию в одну мину он утвердил, гирию в один сикль он утвердил (по отношению) к мине» [1, с. 62; 13, р. 136; 19, р. 14]. Унификация мер веса, как мы отмечаем, была особенно значимой во многих древневосточных государствах. Однако в Эшнунне она была, как мы увидим из источников, ещё более важна.

Далее до параграфа 12 очень подробно рассматривается наём различных категорий работников с их инвентарём. При этом работники нанимаются чаще всего для проведения торговых операций. В тексте законов в параграфе 15 (и, вероятно, 14) упомянут торговый агент - *tamkârum*. Кроме того, необходимо отметить, что ещё одна большая группа законов посвящена предоставлению кредитов (в натуральной и денежной формах), выплате долгов и передаче имущества на хранение (параграфы 15-17, 19-27, 36-37).

Среди дальнейших различий особенно важным нам представляется появление в нескольких статьях документа (ст. 24, 26, 48, 58) термина *dîn napištîm* (суд души - судебный вопрос о жизни), который непосредственно связан с юрисдикцией царя. Все вышеперечисленные параграфы содержат в качестве санкции смертную казнь, которая не упоминается больше ни в одном тексте закона (кроме кражи в ночное время из дома царского служащего (*muškenum*), что и так относилось к суду царя).

В отношении свободных общинников царский суд мог приговорить их к смерти за принуждение к сожительству дочери общинника (без подписания соответствующего договора с её отцом - ст. 26, 27) и за обрушение стены дома общинника, который был заведомо предупрежден о плохом состоянии стены, приведшее к смерти другого общинника (ст. 58). Также смертью карается измена замужней женщины (ст. 28).

Подобная судебная практика может свидетельствовать об активно идущем процессе перехода страны от номового государства к территориально-племенному царству. Власть царя, как мы видим, уже значительно усилилась, что дало ему возможность не только издать свод законов и унифицировать меры веса, но и определить границы своей юрисдикции. Однако в таком укреплении государственной власти был, кроме того, заложен фундамент дальнейшего компромисса между социально-правовыми функциями общинного суда,

т.е. верхушки общины, и верховного правителя (что будет использоваться позже и в державе Хаммурапи). При этом в отличие от возникшего в более ранний период царства I династии Иссина необходимую государству социальную стабильность обеспечивало также и своеобразие экономического развития.

О зрелости рассматриваемых нами законов говорит также тот факт, что начинают формироваться такие важные для права категории, как «вина» и «невиновность». К примеру, в статьях 36 и 37 определяется отсутствие или наличие вины в связи с порчей чужой вещи, оставленной на хранение в обрушившемся доме. Также активно используется (ст. 22, 37 и др.) в качестве санкции клятва богом.

Для общинников царский суд действовал в юридических случаях, относящихся, говоря современным языком, к уголовному (особенно членовредительство), частично имущественному и семейному праву. Так, нормы права, предназначенные для общинников, часто носят рекомендательный характер (т.н. протонормы-предписания). К примеру, в статье 59 предписывается изгнать из дома с конфискацией имущества общинника, который после рождения детей оставил свою жену. Также можно указать на статьи 18, 30, 53 и ряд других.

В статье 50 упомянут захват неким должностным лицом, представлявшим общину, имущества дворца, которое должно быть возвращено в судебном порядке (через суд общины, т.к. здесь сталкиваются имущественные интересы общинников и дворца). При таких судебных заседаниях обычно присутствовал чиновник царя (или несколько), представлявший его интересы.

К сходным с предыдущими документами чертам законов мы можем отнести наличие тех же элементов протонорм. В тексте наряду с большим количеством протонорм-предписаний и протонорм-обязываний встречаются также и протонормы-запреты. Для примера можно обратиться к статьям 17, 18, 21, 22, 31 и др. и 15, 16, 51, 52 - соответственно [6, с. 17-33; 9, с. 82-113; 10, с. 147-162].

Для определения уровня экономического развития царства Эшнунны необходимо ещё раз обратиться к более раннему периоду в истории южной Месопотамии. Упомянувшееся нами территориально-племенное государство I династии Иссина унаследовало от III династии Ура большое число царских и храмовых, преимущественно аграрных, хозяйственных комплексов с многочисленными работниками и необходимостью в постоянном контроле ирригационной системы. Внешняя торговля с различными государствами, на которую была ориентирована империя, вероятно, значительно сократилась, т.к. для её успешного функционирования была необходима политическая стабильность.

Эшнунна же, где также были подобные хозяйственные комплексы, но значительно меньших размеров, оказалась в выигрышном положении, т.к. находилась в более безопасном месте, на пересечении торговых путей с юга Месопотамии на север, а также на границе с могущественным государством Элам. Кроме того, царство Эшнунны располагалось недалеко от предгорий Загроса в долине реки Дияла, поэтому для орошения земледельческих храмовых и царских хозяйств не требовалось такого количества каналов, как на маловодном юге.

Активное использование кредита и передача имущества на сохранение, о котором нам сообщают статьи законов, связано не только с процессом расслоения общины, но и с развитием внешнеторговых отношений в государстве.

Данные частноправовых документов из храма Сина, часть из которых относится к старовавилонскому периоду, подтверждают наши выводы, т.к. и сам храм, и представители верховного жречества (жрецы-эну) постоянно совершали различного рода сделки: по кредитованию, продаже, залогу, по предоставлению финансовых гарантий и др. (около 120 текстов) [17, р. 59-69, 91-117].

С деятельностью таких жрецов мы знакомы по старовавилонским частноправовым документам из Ларсы и Ура, где последние активно занимались продажей земельных участков и покупкой детей рабов. В частности, один из них упомянут в документах крупного торговца из Ларсы - Балмунамхе [2, с. 112-121; 6, с. 67-94].

Здесь же более трети документов архива посвящено именно сделкам по кредитованию (для сравнения - сделок по продаже земли всего 13) [17, р. 59-69, 91-117]. Кредиты давались зерном, что не должно вызывать удивления, т.к. именно ячмень ежегодно выращивался на храмовых полях и составлял основное богатство хозяйства. При этом интересно отметить, что процент по кредиту, выдаваемому на срок около года, был стабилен (40 сила на 1 гур ячменя (2/15)) и на треть ниже, чем тот, который зафиксирован в законах Хаммурапи (ст. 88, 90) [4, с. 222].

Не вызывает сомнения тот факт, что часть кредитов были чисто ростовщическими. Однако не стоит забывать, что для обедневшего общинника было значительно проще оформить документ купли-продажи земли, которая таким образом переходила в храмовый фонд, и продолжать трудиться на ней, получая ежегодные выплаты натурой от храма, чем брать кредит ячменём, влезая с каждым годом в ещё большую кабалу. Это обычно имело плохие последствия, как в случае с неким общинником Бакишишум, у которого были проданы и остатки поля, и дети в рабство (документы 48 и 120) [17, р. 61, 93]. Если же ты экономически был менее зависим от общины, то куда выгоднее было брать торговый кредит и, отправляясь с ним на кораблях и ослах в центральные области и на север, продавать его с прибылью. Возможности получения такой прибыли также способствовала внешнеполитическая нестабильность на юге, в прошлом - основном поставщике зерна. Упоминания об аренде судов и ослов мы также обнаруживаем и в тексте законов рядом с указанием на деятельность торговых агентов - *tamkârum* (параграфы 4, 10) [19, р. 29; 20, р. 161-162].

Кроме того, в некоторых документах упомянуты не сами кредиторы, а их представители (например, в тексте 10 представитель некоего Машкан-Барми), что свидетельствует о состоятельности заёмщика [17, р. 62]. В других текстах зафиксированы очень крупные суммы и объёмы кредитования: в тексте 104 - 15 гур (около 3750 л), 63 - 46 гур (около 11500 л), а в 65 - 1 мина серебра (960 г) [Ibidem, р. 62, 66, 68].

Таким образом, наряду с продолжавшими активно функционировать царскими и храмовыми земельными хозяйствами, весьма существенную роль в экономике государства играли торговые отношения и, прежде всего, внешнеэкономические связи.

Также в данном контексте необходимо, по нашему мнению, сказать несколько слов о документе KR 12.23, о котором упоминает в своей статье немецкий ученый И. Е. Гельб [15, р. 78-102]. Эта табличка, как отмечает автор, была найдена недалеко от города Каркемиша (Сирия) и хронологически относится примерно к концу XIX в. до н.э. В тексте сообщается о торговых операциях (поставки меди для храма богини Нинин), которые царство Каркемиша вело с Эшнунной. При этом в царстве Эшнунны такие сделки проводятся некой торговой организацией, близкой, как считает ученый, по своему составу к малоазийским торговым колониям. Такая организация делилась на три квартала (*bābtum*), в каждом из которых проживало около 10 семей. Личных имен торговцев в документе не зафиксировано, но указано название квартала (к примеру - квартал *Bašārum*). Также в тексте можно встретить среди торговцев аккадские имена, что является свидетельством вовлеченности иностранных купцов в коммерческую деятельность торгового сообщества.

В наших документах (16, 42, 53) также сообщается об отправке большого количества зерна в некие центры Куштару, Дур-Римуш, расположенный недалеко от древнего города Уммы, Эмуди и Асукмашдак. Вероятно, эти города либо граничили с Эшнунной, либо находились на юге Месопотамии [17, р. 63, 65-66, 103].

В завершение нашего исследования необходимо отметить, что к концу XX в. до н.э. (в период правления царей Абди-Эраха и Аби-Мадара) царство Эшнунны постепенно преобразуется из номового в территориально-племенное государство. Основными критериями, которые позволяют нам сделать такой вывод, являются следующие: во-первых, объединение под общим центром соседних экономически и политически разнородных территорий; во-вторых, четко сформировавшаяся государственная структура управления с дворцовым аппаратом; в-третьих, социально-правовой баланс в разграничении сфер влияния между царем и советами старейшин (в том числе и общинным судом), и, в-четвертых, устойчивая социально-экономическая база, сложившаяся при активном развитии внешней торговли.

Царская власть в царстве Эшнунны обеспечивала стабильность в государстве, защищая обедневших общинников от произвола своих же богатых собратьев (особенно в вопросах возврата прежней собственности, как в статье 39, и продажи собственности неразделенных братьев, как в статье 38). Кроме того, царь Аби-Мадар, как нам сообщают источники (54 и 63), издавал т.н. указы о «справедливости» (*mišārum*), хорошо известные нам по документам из старовавилонского царства. Такие указы отменяли долги по различным видам кредитов и возвращали свободных общинников и их детей из рабства [Ibidem, р. 66]. Уникальной чертой царства Эшнунны, позволившей ей создать одно из самых успешных на тот период территориально-племенных государств, стала разумная политика правителей в социальных вопросах в сочетании с успешным развитием внешней торговли. Такая политика затем будет использоваться многими царями, и прежде всего царем Ларсы Рим-Сином и Хаммурапи Вавилонским. Однако активное использование кредита, так полезное для развития торговли, очень опасно для экономики государства, если речь идет о ростовщическом кредите. Несмотря на постоянные попытки эшнуннских царей ограничить процесс расслоения внутри общины, он неизбежно приводил к обогащению одних и обнищанию других, что подрывало социальную устойчивость страны и привело в итоге к её распаду в начале XVIII в. до н.э.

Список литературы

1. Афанасьева В. К. Законы Ур-Намму // Вестник древней истории. 1960. № 1. С. 61-67.
2. Вуллс Л. Ур халдеев. М.: Наука, 1961. 457 с.
3. Дьяконов И. М. Гражданское общество в древности // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 2-19.
4. Дьяконов И. М., Дунаевская И. М., Магази́нер Я. М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // Там же. 1952. № 3. С. 213-287.
5. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии // Там же. 1982. № 2. С. 3-16.
6. Козырева Н. В. Древняя Ларса. М.: Наука, 1988. 213 с.
7. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Норма, 2001. 497 с.
8. Некоторые проблемы исследования государства и права на древнем Востоке: дискуссия // Народы Азии и Африки. 1989. № 2-3. С. 89-110.
9. Общая теория права: в 2-х т. / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юридическая литература, 2003. Т. 1. 619 с.
10. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2000. 543 с.
11. Якобсон В. А. Представление о государстве в древней Месопотамии // Древний Восток. Ереван: Наука, 1978. № 3. С. 55-70.
12. Driver G. R., Miles J. C. The Babylonian Laws: in 2 vol. Ox., 1952-1955. Vol. I. P. 325-447.
13. Finkelstein G. G. The Laws of Ur-Nammu // Journal of Cuneiform Studies. 1969. Vol. XXII. № 3-4.
14. Frankfort H., Lloyd S. H., Jacobsen T. Tell Asmar and Khafaje: the sixth season's work in Eshnunna 1935/1936 / Oriental Institute in Philadelphia. XLIII. P. 117-142.
15. Gelb I. J. The Early History of West Semitic Peoples // Journal of Cuneiform Studies. 1961. Vol. XV. № 2.
16. Goetze A. The Laws of Eshnunna // Sumer. 1948. Vol. 4.
17. Harris R. The Archive of the Sin Temple in Khafajah (Tutub) // Journal of Cuneiform Studies. 1955. Vol. 9. № 3-4.
18. Koschaker P. Rechtsvergleichende Studien zur Gesetzgebung Hammurabis, Königs von Babylon. Leipzig, 1928. S. 45-88.
19. Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor / by M. T. Roth. Atlanta, 1997. P. 13-72.
20. Pritchard J. B. Ancient Near Eastern Text. Princeton, 1950. P. 161-186.

**NORMATIVE AND PRIVATE-LAW SOURCES OF OLD-BABYLONIAN PERIOD FROM ESHNUNNA
ABOUT AUTHORITY FORMATION AND SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE BEGINNING OF THE IIND MILLENIUM BC**

Anna Dmitrievna Nikitina, Ph. D. in History
Department of Classical Disciplines
Moscow Institute of Economic Reforms
a.selena75@yandex.ru

The author researches public law role in the formation of the territorial-tribal state which appeared within the territory of Eshnunna kingdom at the beginning of the IInd millennium and singles out the basic criteria which help to identify the belonging to territorial-tribal states on the basis of studying both private-law and public-law documents. The most important of them are the following ones: distinctly formed state structure of management, social-legal balance in delimiting spheres of influence between tsar and community and active development of foreign trade.

Key words and phrases: territorial-tribal state formation; tsar Dadusha's laws; active development of foreign trade; private-law documents from Tutub; tsar administration consolidation.

УДК 947.084.6:316.35(470)

В статье рассмотрены основные направления и особенности развития землеустроительного процесса на Юге России в 1920-х гг. Автор анализирует влияние землеустроительных работ и в целом аграрной политики большевиков. Обосновывает систематизирующую роль аграрной проблематики в российской истории, проводит исследование одного из основных направлений землеустройства в доколхозной деревне Юга России 1920-х гг. В статье подчеркивается, что создание устойчивого землепользования совхозов и колхозов нередко вызывало негативную реакцию донских, кубанских и ставропольских хлеборобов.

Ключевые слова и фразы: беднота; большевистский режим; земельные участки; землеустройство; казаки; колхоз; крестьяне; крестьянский двор; совхоз; хлебороб.

Татьяна Викторовна Панкова-Козочкина, к.и.н.
Кафедра теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)
p_k_t_v@mail.ru

**ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ
В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ ЮГА РОССИИ[©]**

Тему землеустройства в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя, Терека в 1920-х гг. никак нельзя охарактеризовать как испытывавшую недостаток внимания со стороны научного сообщества в советский и постсоветский периоды. Вопросы аграрных преобразований Советской власти и их влияния на социально-экономическое развитие доколхозной деревни неоднократно затрагивались и анализировались во множестве статей, монографий, коллективных трудов, основанных как на общесоюзных (общероссийских), так и на региональных (южнороссийских) материалах. В том числе специалистами были установлены и с достаточной степенью полноты освещены ведущие направления, масштабы, этапы и результаты землеустройства в казачьих станицах и крестьянских селах Юга России на протяжении 1920-х гг. [1; 2; 5-7; 9; 11; 13].

Вместе с тем, поскольку в советской историографии внимание акцентировалось на социально-экономических и социально-политических процессах, в рамках отмеченной темы сохраняется целый ряд аспектов, нуждающихся в дальнейшем углубленном анализе. В частности, практически не исследовались такие вопросы, как влияние землеустроительных работ (и в целом аграрной политики большевиков) на социально-психологический климат доколхозной деревни, на патерналистские настроения земледельцев, на их восприятие советской действительности и отношение к «идеалам революции». В настоящей публикации нами предпринята попытка отчасти заполнить образовавшуюся лауну и рассмотреть степень влияния землеустройства и его результатов на умонастроения хлеборобов Дона, Кубани, Ставрополя в 1920-х гг.

В 1920-х гг. землеустроительные мероприятия, как известно, подразделялись на межселенные и внутриселенные: первые имели целью разграничение землепользования между отдельными населенными пунктами, вторые - между крестьянскими дворами внутри отдельно взятой деревни, села, станицы. Задачи землеустройства, по точному определению В. Е. Щетнева, сводились к «ликвидации сословного неравенства в пользовании землей, перераспределению земли по едокам между различными социальными группами населения, дроблению многодворной общины, максимально возможному устранению дальнотемелья,